

Чэнь Чжу,

преподаватель Педагогического университета

Центрального Китая, Ухань, КНР;

e-mail: rainie0918@vip.qq.com

НАМЕРЕННЫЕ НЕТОЧНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» КИТАЙСКИМ ПЕРЕВОДЧИКОМ ЦАО ИНОМ)¹

Под намеренным неточным переводом понимается перевод, при котором исходя из принципа эквивалентности опускается или добавляется часть информации. Он является часто применяемой стратегией при художественном переводе. Анализируя примеры использования сознательного неточного перевода при переводе романа Л.Н. Толстого «Война и мир» переводчиком Цао Ином на китайский язык, настоящая работа резюмирует необходимость применения рассматриваемой стратегии в художественном переводе, формы её проявления и её влияние, открывая новые пути преодоления трудностей художественного перевода. Причины, по которым переводчики выбирают эту стратегию — лёгкость восприятия читателями, повышение художественности характера перевода и влияние социальной среды. В зависимости от способа трансформации переводчиком информации, содержащейся в исходном тексте, можно выделить три основных формы передачи намеренных переводческих неточностей: неопределённость информации, пояснение информации и подмена информации. Пользу преднамеренного неточного перевода нельзя анализировать лишь с одной точки зрения, и ему нельзя дать однозначную оценку «хороший» или «плохой». Вместо этого следует рассматривать этот метод комплексно и всеобъемлюще: нужно признавать его ценность и в то же время нельзя отрицать ограниченность этой техники. Сам перевод — это очень субъективный процесс, а способов перевода — великое множество. Каждый переводчик придерживается в своей практике определённых методов перевода и преуспевает в них. Именно различные переводные тексты, с присущей им уникальностью стиля создавшего их переводчика, являются причиной бесконечного разнообразия художественных переводов.

Ключевые слова: намеренный неточный перевод, художественный перевод, «Война и мир».

¹ При поддержке китайского постдокторского научного фонда.

Введение

Поскольку языковые формы и культурное происхождение русского и китайского языков значительно различаются, то при русско-китайском переводе невозможно добиться стопроцентного соответствия между исходным и переводным текстом, а неточности перевода становятся неизбежностью. Перевод уже сам по себе не является полностью объективной деятельностью, поскольку он выполняется людьми с присущей им субъективностью, поэтому возникновение преднамеренного неточного перевода неудивительно. В своей работе «Введение в переводоведение» профессор Се Тяньчжэнь даёт следующее определение намеренному неточному переводу: «...переводчик сознательно использует неэквивалентные языковые средства в переводе со следующей целью: либо он радикально трансформирует языковые средства выражения в исходном тексте (такие как литературная форма, литературная концепция и т.д.), чтобы угодить культурным настроениям нации, либо принудительно насаждает иностранные культурные модели, игнорируя степень соответствия перевода эстетическому вкусу этого народа» [Се Тяньчжэнь, 2007: 117].

Использованный профессором эпитет «сознательно» говорит сам за себя и означает, что переводчик делает это сознательно — намеренно переводит исходный текст «неправильно». Но ведь основная задача переводчика — это точно и достоверно воспроизвести исходный текст, так зачем же намеренно переводить «неправильно»? На самом деле, «неправильно» — здесь совсем и не «неправильно», просто ввиду того, что в переводном тексте есть разночтения с оригинальным текстом и они неэквивалентны, то кажется, что перевод неточный. Однако несмотря на то, что некоторая информация опущена или добавлена в перевод, в нём реализован минимальный стандарт эквивалентности, а именно достигнута эквивалентность коммуникативной цели, поэтому это «правильный» перевод. Переводчик сознательно интерпретирует текст «неправильно» — либо потому, что это был единственный выход, либо потому, что он стремился достичь определённого литературно-эстетического эффекта. Возможно, он заменил отдельные фразы либо добавил, сократил, удалил или изменил целые предложения или даже главы, но при этом полученный в итоге перевод действительно можно назвать эквивалентным.

Художественный перевод — в отличие от перевода текстов других стилей — должен не только передавать поверхностное значение текста, но и воспроизводить скрытые за словами глубинные

коннотации [Там же: 57]. Для выполнения такого вида перевода не существует каких-то правил, которым можно было бы следовать, а требуется творческий подход со стороны переводчика. Поэтому литературный перевод и считается своего рода искусством. Чтобы передать художественную концепцию и красоту оригинального произведения, переводчику нужно подходить к процессу перевода творчески. Поскольку такой подход подразумевает изменение содержания или формы оригинального произведения, то сознательный неточный перевод становится неизбежностью [Ху Гумин, 2004: 134].

Необходимость применения намеренного неточного перевода

Перевод — это сложный процесс языковой и культурной трансформации, в ходе которого переводчик применяет различные методы и стратегии, чтобы достоверно передать информацию исходного текста. Тем не менее, иногда даже когда переводчик полностью осмысливает идею исходного текста, он может по какой-то причине намеренно опустить или добавить информацию текста оригинала. По результатам собранных примеров сознательного неточного художественного перевода с русского на китайский язык мы обнаружили, что его необходимость в целом определяется следующими моментами:

1. Восприятие читателя

Читатели играют исключительно важную роль в жизни художественного произведения. Необходимым условием того, чтобы произведение стало объектом эстетического восприятия, является участие в этом восприятии читателя. «По словам Мартина Хайдеггера, произведение пишется для читателей» [Люй Цзюнь, 2010: 75–81]. А перевод также делается для читателей переведённого текста. Следовательно, одной из главных причин намеренных неточностей переводчика в процессе перевода является адаптация текста под восприятие читателя, помогающая ему лучше понять смысл и идею оригинала. Сознательный неточный перевод, связанный с адаптацией под восприятие читателем, отражается в следующих аспектах:

1.1. Использование метода дополнения для передачи информации, которая не поясняется в предложении исходного текста либо была упомянута выше, но могла не привлечь достаточного внимания читателя.

Пример: В письме этом князь Андрей представлял отцу неудобства его положения вблизи от театра войны, на самой линии движения войск, и советовал ехать в Москву [Толстой, 2012: 75].

安德烈公爵在这封信里向父亲指出童山离战场不远,是军队必经之地,劝父亲迁居莫斯科 [Цао Ин, 1992: 915].

В оригинале не упоминаются Лысье Горы — название места, где находилась усадьба отца князя Андрея, — а говорится только, что его отец находится недалеко от театра военных действий. Однако Лысье Горы появляются в переводе Цао Ина. Добавив в перевод топоним «Лысье Горы», Цао Ин, с одной стороны, напоминает читателю название места, где проживал отец князя Андрей, а с другой стороны, четко обозначает предстоящую линию движения войск, помогая читателю глубже понять оригинал.

1.2. Когда текст оригинала затрагивает культурные различия между странами языка источника и языка перевода, по причине которых у читателя переводного текста не может возникнуть реакция на информацию в тексте оригинала, аналогичная той, какую вызывает этот текст у читателя переводимого текста, переводчик может прибегнуть к намеренному неточному переводу, облегчая читателю переводного текста его идейно-смысловое восприятие.

Пример: — Ах, скве'но! Ну, что стоишь, **чучело**, пошли вахмистг'а! — крикнул Денисов на Лаврушку [Толстой, 2012: 111].

“唉,真糟糕!你站着干什么,**木头人**,快把司务长找来!”杰尼索夫对拉夫鲁施卡嚷道 [Цао Ин, 1992: 174].

Аналог русского «чучело» в китайском языке — это «稻草人». Однако «稻草人» в китайском вызывает у носителя языка скорее образ глупого, бездарного и невежественного человека, в то время как в русском тексте имеется в виду, что Лаврушка застыл на месте НЕПОДВИЖНО, как чучело. И эта коннотация совершенно не соответствует смыслу китайского аналога. Поэтому Цао Ин намеренно заменяет «稻草人» на «木头人», которое как раз вызывает у китайского читателя ассоциацию с замершим на месте человеком.

1.3. Иногда способ передачи информации языка-источника по аналогии с исходным предложением не соответствует привычкам восприятия реципиента целевого текста, поэтому смысл переводимого предложения доходит до него не сразу. Для того чтобы целевой текст звучал более складно и естественно, чтобы он соответствовал узусу целевого языка, переводчик немного изменяет и дополняет информацию исходного текста, используя выражения, знакомые читателю переводного текста, и тем самым помогая ему лучше осмыслить содержание оригинала.

Пример: — Но вы знаете, ваше превосходительство, **мудрое правило, предписывающее предполагать худшее**, — сказал австрийский генерал, видимо желая покончить с шутками и приступить к делу [Толстой, 2012: 105].

“但我想, 大人, 您一定知道 ‘多往坏处想没有坏处’ 这个格言吧,” 奥国将军说, 显然想结束玩笑, 言归正传 [Цао Ин, 1992: 164].

Фразу «вы знаете мудрое правило, предписывающее предполагать худшее» австрийский генерал адресует фельдмаршалу Кутузову. Прямой перевод этой фразы на китайский звучал бы как “您知道, 明智的规则也要求想到最坏的情况”. Но такой перевод вызвал бы затруднения в восприятии у реципиента, поскольку фраза “明智的规则也要求想到最坏的情况” звучит на китайском тяжеловесно, и носителю языка пришлось бы несколько раз вдумчиво перечитать её, чтобы проникнуть наконец в заключённый в этих строках смысл. Цао Ин не стал переводить эту фразу дословно, а резюмировал её основную идею о том, что «нужно учитывать неблагоприятные последствия», и немного изменил содержание оригинала произведения, добавив привычную для носителя китайского языка фразу “多往坏处想没有坏处”, что позволяет ему сразу понять её смысл. Кроме того, «устойчивая фраза», добавленная Цао Ином, явилась элегантным решением: в ней дважды употребляется “坏处”, выступая в качестве различных членов предложения. Таким способом переводчик не только полностью передал первоначальный смысл живым языком, но и заключил его в простой и понятной форме. Данный пример можно назвать успешным сознательным неточным переводом.

2. Повышение художественного уровня перевода

Художественный перевод — это художественная практика и форма творчества. Качество перевода в первую очередь зависит именно от самого переводчика, поэтому во время своей профессиональной деятельности ему необходимо полностью раскрыть и задействовать свои художественные таланты. Важным аспектом художественного перевода является передача живого языка оригинала. Это предполагает глубокое понимание переводчиком явлений мира и при этом способность абстрагироваться от них, чтобы, с одной стороны, придерживаться текста оригинала, а с другой стороны, в разумных пределах раскрыть в переводе собственный креативный потенциал. Сознательные неточности перевода с целью повышения художественного уровня перевода встречаются, как правило, в следующих случаях:

2.1. Чэньюй — это важное явление китайской культуры, представляющее собой устойчивый оборот с фиксированной структурной формой. Чэньюй выражают законченную идею и употребляются в речи как неделимое целое. Переводчик зачастую использует чэньюй, когда переводимый исходный текст совпадает по смыслу с каким-то китайским чэньюем. Даже если китайская идиома не будет абсолютно точно передавать информацию текста оригинала, и какая-то часть информации неизбежно будет потеряна или добавлена, тем не менее, использование чэньюев позволяет сделать слог перевода более гладким и лаконичным, а также придать ему культурный колорит и художественность китайского языка.

Пример: ...Наполеон случайно упал в тот обморок, которому он был подвержен, и находился во власти герцога, которому герцог не воспользовался, но что Бонапарт впоследствии **за это-то великодушие и отмстил смертью герцогу** [Толстой, 2012: 14].

...拿破仑在那里碰到公爵后, 他的昏厥病突然发作, 出于公爵的支配之下, 而公爵没有利用这个机会, 后来波拿巴反而**处死公爵来报答他的宽宏大量** [Чжан Цзе, 2019: 15].

...拿破仑一见公爵, 他的昏厥症顿时发作, 他就落在公爵手里, 但公爵并没有乘人之危害他, 想不到后来拿破仑却**以怨报德, 要了他的性命** [Цао Ин, 1992: 17].

В русском тексте «за это-то великодушие и отмстил смертью герцогу» дословно переводится на китайский как “用公爵的死来报复他的宽宏大量”, в то время как Цао Ин использовал при переводе чэньюй “以怨报德”, означающий «платить злом за чужое добро». Цао Ин в своём переводе добавил семантический компонент “怨恨” («ненависть, злость»), которого не было в оригинале. По сути дела, в исходном тексте не говорится явно, что действия Наполеона — это «зло» — таким образом, в перевод Цао Ина непреднамеренно добавлен оттенок порицания, за счёт чего была расширена палитра настроений оригинала. Однако это мало повлияло на эквивалентность перевода оригиналу и к тому же повысило уровень его художественности.

2.2. Пословицы и поговорки являются отражением коллективного жизненного опыта нации. Закономерно, что у разных национальностей различный опыт, поэтому большинство пословиц и поговорок в одном языке не имеют полного соответствия в другом языке. Если предпринять дословный перевод таких выражений, то он неизбежно будет неуклюжим и скучным. В таком случае одним из способов повысить художественный уровень перевода путём сознательного неточного перевода является использование

переводчиками китайских пословиц и поговорок, оперирующих отличными от пословиц и поговорок русского языка образами, но имеющими схожие коннотативные значения.

Пример: По всей Москве повторялись слова князя Долгорукого: «лепя, лепя, и облепишься», утешавшегося в нашем поражении воспоминанием прежних побед... [Толстой, 2012: 256].

莫斯科全市都在复述陶尔戈鲁基公爵的话：“智者千虑，必有一失”，拿过去的胜利来安慰今天的失败... [Цао Ин, 1992: 407]

Приведённый в примере отрывок описывает события, произошедшие после поражения русской армии в битве под Аустерлицем. Русские искали оправдание этой военной неудаче и утешали себя, вспоминая прошлые победы. Русская пословица «лепя, лепя и облепишься» означает, что «если постоянно пытаться вымазать чем-то грязным другого, то когда-нибудь испачкаешься и сам», и смысл его в том, что не стоит надеяться на то, что с тобой никогда не случится промаха. В китайском языке нет эквивалентной пословицы с соответствующей формой и коннотацией. При дословном переводе, передающем буквальное содержание пословицы, читатели хотя и получают представление о форме русской фразы, но не каждый, прочитав “给人抹泥，自己会沾满一身”， сможет воспринять истинный смысл, заключённый в пословице. Цао Ин находит в китайском языке сходную по смыслу пословицу “智者千虑，必有一失” для адекватного перевода. Хотя способ выражения в китайском варианте сильно отличается от оригинала, читатели могут легко понять смысл, заключённый в китайском аналоге: «невозможно всегда и всё продумать досконально», а отсюда сделать вывод о психологии самоутешения русских, потому что поскольку «невозможно всегда и всё продумать, то можно принять актуальный факт поражения — в конце концов, ведь раньше были и победы». Таким образом, устанавливается смысловая связь со следующей далее по тексту информацией об утешении «в нашем поражении воспоминанием прежних побед».

2.3. Иногда переводчик использует стилистические средства, которых не было в оригинале, чтобы усилить эмоциональность перевода, сделать его более ярким и выразительным.

Пример: — Хороши! **Так и течёт с них!** Гостиную нашу не замочите.

— Марья Генриховны платье не запачкать, — отвечали голоса [Толстой, 2012: 43].

“好家伙! 瞧这一**对落汤鸡!** 可别把我们的客厅弄湿了。”

“别把玛丽雅的衣服弄脏了,” 有人接着说 [Цао Ин, 1992: 862].

В приведённом отрывке описывается сцена, в которой Ростов и Ильин, мокрые насквозь от дождя, входят в корчму, полную посетителей. Выражение «так и течёт с них» употребляется для описания людей, с ног до головы промокших под дождём, когда дождевая вода стекает по одежде. В китайском языке выражение “落汤鸡” зачастую используется для обозначения человека, насквозь промокшего под дождём. Именно его Цао Ин применяет для перевода, придерживаясь привычной манеры выражения носителей переводного языка. Хотя при намеренном неточном переводе была добавлена информация, отсутствующая в исходном тексте, однако перед глазами читателей целевого текста предстала более яркая и отчётливая картина, описание стало более оживлённым.

2.4. Иногда в исходном тексте появляются оригинальные выражения, в которых особую роль играет фонетическая составляющая, например, присутствует рифма, игра слов и т.д. Переводчик пользуется методом неточного перевода, стараясь найти компромисс между фонетикой и семантикой.

Пример: «Наташа, сестра, чёрные глаза. На... ташка... (Вот удивится, когда ей скажу, как я увидел государя!) **Наташку... ташку возьми...**» ... «Да, бишь, что я думал? — не забыть. Как с государем говорить буду? Нет, не то — это завтра. Да, да! **На ташку, наступить... тупить нас** — кого? ... Да это пустяки, а главное — не забывать, что я нужное-то думал, да. **На — ташку, нас — тупить**, да, да, да. Это хорошо» [Толстой, 2012: 223].

“那天.....哦, 娜塔莎, 妹妹, 黑眼睛。娜.....塔莎..... (我要是告诉她我见到过皇帝, 她准会大吃一惊!) **娜塔莎.....拿大厦.....**” “哦, 我想什么来着? 可不能忘记。我该怎样同皇上说话? 不, 不对, 那是明天的事。对了, 对了! **拿大厦, 拿下什么?**这些都无关紧要, 主要是别忘记我想到的要紧事, 是的。 **拿大厦, 我们要拿下**, 是的, 是的。这很好 [Цао Ин, 1992: 353–354].”

Представленный отрывок из романа описывает канун битвы при Аустерлице, когда Ростов патрулировал линию фланкерской цепи, пытаясь преодолеть сон. Цитируемая речь — это мысли Николая в полудрёме. «Наташка» — это уменьшительное имя сестры Николая Наташи, а словом «ташка», которое фонетически совпадает со второй половиной слова «Наташка», называли кожаные сумки, которые гусары носили на плече. Для описания полусонного состояния Ростова автор использует созвучные, но совершенно разные по смыслу слова «Наташка» и «ташка». Совмещение этих двух слов в одной фразе дословно переводится как

«Наташа взяла гусарскую сумку», что, очевидно, невозможно и похоже по логике и смыслу на разговор во сне. Слово «наступить» во второй фразе, выделенной жирным шрифтом, разделено далее на две части, в результате чего образовалось словосочетание «наступить» со смыслом «затупить нас». Такой приём также послужил описанию полусознательного состояния Николая. Если переводить исходный текст напрямую, не опуская никакой информации, игра слов оригинала будет утрачена. Прочитав перевод, читатель не поймёт о наличии фонетических ассоциаций слов и непременно будет сбит с толку. Столкнувшись с «разговором во сне» Ростова, Цао Ин использовал созвучное «Наташе» китайское “拿大厦”. В совместном использовании имени героини с созвучным сочетанием “拿大厦” также отсутствует какая-либо логика, что позволило передать сумбурность мыслей Николая в полусне. Во второй половине предложения опущен перевод «наступить, тупить нас». Вместо этого добавлена фраза “拿大厦, 拿下什么” которой нет в оригинале и которая основана на итерации иероглифа “拿”. Таким образом, для реконструкции «монолога во сне» переводчик использовал особенности китайской фонетики. Хотя этот метод перевода игнорирует значение таких слов, как «ташка», «наступить», «тупить», он сохраняет оригинальную омофонию, использованную Л.Н. Толстым, позволяя китайским читателям максимально аутентично прочувствовать изобразительно-выразительные средства оригинала. С точки зрения художественности перевода и приемлемости читателями, перевод Цао Ина даже немного выигрывает у оригинала.

3. Влияние социального окружения

Перевод осуществляется не для отдельного индивидуума, а представляет собой деятельность социального значения. Дело в том, что ограничивающими факторами для перевода являются не только сам исходный текст и личность переводчика, но и объективные общественные факторы. Профессор Се Тяньжэнь указывает на то, что помимо субъективности понимания переводчиком исходного текста, причиной различий между разными переводами одного и того же произведения является влияние объективных факторов [Ли Минси, Е Линь, 2005: 88–91]. Упомянутые здесь «различия между разными переводами одного и того же произведения» в том числе возникают из-за использования переводчиками стратегии сознательных переводческих неточностей.

Поскольку автор, переводчик и читатель находятся в разных социальных средах, в переводе неизбежно появляются некоторые изменения и корректировки в соответствии с социальным окружением, в котором находится целевой читатель.

Пример: — Ты и с ним **кокетничаешь**, — смеясь, сказала графиня.

– Нет, он франмасон, я узнала. Он славный, тёмно-синий с красным, как вам растолковать... [Толстой, 2012: 375].

“你也同他**调情**吗?” 伯爵夫人笑着说。

“不,他是共济会员,我知道。他很正派,深蓝带红,怎么给您解释呢...” [Цао Ин, 1992: 599].

Разговор из примера происходит между Наташей и её матерью. Наташа рассказывает матери о своих впечатлениях от Николая и Пьера. Мать ошибочно полагает, что у дочери возникло чувство к Пьеру, поэтому она, немного забавляясь увлечением дочери, спрашивает её: «Ты и с ним кокетничаешь?». Слово «кокетничать» в русском означает «быть кокеткой, вести себя как кокетка», а кокетка — это «женщина, стремящаяся своим нарядом, поведением и т.п. понравиться кому-нибудь, заинтересовать собой». В китайском языке нет слова, которое бы полностью соответствовало русскому «кокетничать». Кокетничанье считается вполне нормальным явлением и не считается предосудительным у русских, а само слово не несёт в себе какого-либо негативного оттенка. Однако в китайской (ханьской) культуре, особенно в традиционной массовой культуре, «женщина, стремящаяся своим нарядом, поведением и т.п. понравиться кому-н., заинтересовать собой» определённо будет считаться непорядочной, дурной женщиной. Версия перевода Цао Ина, созданная в 70-е годы прошлого столетия, очевидно, находилась под сильным давлением этого типа мышления, поэтому «кокетничанье» интерпретируется чуть ли не как фривольное заигрывание, поэтому для передачи этого оттенка Цао Ин намеренно использует слово “调情”, обладающее негативной коннотацией, потакая, таким образом, духу времени и «навешивая» на молодую девушку ярлык ветрености. Стоит отметить, что в начале XXI века другой переводчик, Чжан Цзе, при переводе этого места в романе использовал слово “撒娇”, которое хотя и не полностью тождественно по смыслу с русским «кокетничать», но больше соответствует невинному образу милой и очаровательной Наташи в версии исходного текста. Новый вариант перевода также свидетельствует о более свободных взглядах и более толерантном отношении китайского общества к женщине в новом тысячелетии.

3. Формы передачи намеренного неточного перевода

В зависимости от способа трансформации переводчиком информации, содержащейся в исходном тексте, можно выделить три основных формы передачи намеренных переводческих неточностей:

1. Неопределённость информации. Эта форма неточного перевода подразумевает опущение части информации исходного текста или передачу достаточно конкретной информации исходного текста в довольно обобщённой форме. Использование переводческих неточностей такого типа может быть вызвано несоответствием формы выражения в оригинале узусу целевого языка. В связи с этим, переводчик сообразно сокращает либо обобщает исходную информацию.

Пример: Князь Андрей взглянул на Кутузова, и ему невольно бросились в глаза, **в полуаршине от него**, чисто промытые сборки шрама на виске Кутузова, где измаильская пуля пронизала ему голову, и его вытекший глаз [Толстой, 2012: 143].

安德烈公爵望了一眼库图佐夫, 无意中看见**一步以外**库图佐夫鬓脚上洗得干干净净的疤痕 (一颗伊兹梅尔子弹在这里穿过他的头) 和那个空眼窝 [Цао Ин, 1992: 226].

«Полуаршин» переводится на китайский как “半俄尺” а «в полуаршине» от него, соответственно, как “距他半俄尺远”. Очевидно, что аршин — это уникальная для Руси мера длины, а для китайского читателя — совершенно неизвестное понятие. Переводчик мог бы дословно перевести «аршин» как “半俄尺”, а затем, пользуясь формой аннотации, пояснить: «1 аршин соответствует 0,71 метра». Нет сомнений в том, что это был бы совершенно корректный способ перевода. Однако подобный перевод неминуемо оторвёт читателя от описания напряжённой военной обстановки, заставив его подсчитывать, какой же всё-таки длины русский аршин. Цао Ин сознательно прибегает к неточному переводу «аршина» как “一步以外” («чуть больше шага»), пользуясь привычными для китайского языка способами указания расстояния, что позволяет сохранить связность текста и не отвлекать читателя от хода повествования. Расстояние в «полшага» действительно очень близко к «0,355 метра», поэтому такой перевод никак не искажает смысл оригинала.

Пример: Моряк говорил тем особенно звучным, певучим, дворянским баритоном, **с приятным грассированием и сокращением согласных**, тем голосом, которым покрикивают: «Чеаек, трубку!» — и тому подобное. Он говорил с привычкой разгула и власти в голосе [Толстой, 2012: 66].

海军军官的声音是洪亮的男中音,像唱歌一般好听, **喉音很重**,就像吩咐跟班那样:“喂,拿茶来,拿烟斗来!”听得出他惯于发号施令,指使人家 [Цао Ин, 1992: 899].

В примере приведена сцена с отставным морским офицером, выступающем в зале Дворянского собрания в ожидании императора Александра I. Слово «грассирование» является существительным, образованным от глагола «грассировать», который означает «произносить звук ‘р’ картаво, на французский манер, с вибрацией язычка, нечётко». Для читателей, немного знакомых с русским или французским языком, объяснение «произносить ‘р’ на французский манер» ещё будет как-то понятно, но если они незнакомы с этими двумя языками, то подобное описание вызовет только недоумение. Цао Ин использует технику «неопределённого» перевода, опуская информацию о русском и французском увулярном ‘р’ и оставив только смысловой компонент «сильное гортанное произношение». Со стороны кажется, что это недостаточно точный перевод, но на самом деле он очень помогает читателям понять особенности речи героя романа.

2. Пояснение информации. Эта форма неточного перевода подразумевает дополнение смыслового содержания исходного текста пояснительной информацией. Использование переводческих неточностей этого типа может выражаться в поясняющих дополнениях к той информации в исходном тексте, которая либо не пояснялась, либо упоминалась в ходе повествования ранее, но не привлекла достаточного внимания читателя.

Пример: Князь Василий исполнил обещание, данное на вечере у Анны Павловны княгине Друбецкой, **просившей его о своём единственном сыне Борисе** [Толстой, 2012: 32].

华西里公爵履行了他在安娜·舍勒晚会上向德鲁别茨基公爵夫人许下的诺言, **给她的独子保理斯调动工作** [Цао Ин, 1992: 46].

«...просившей его о своём единственном сыне Борисе» в исходном тексте могло бы быть переведено на китайский в точном соответствии с содержанием оригинала. Ранее по тексту повествования была введена сцена, в которой княгиня Друбецкая пришла к князю Василию за помощью для своего сына, однако эти события описывались четыре главы ранее и могли не отложиться в памяти читателя. Поэтому дойдя до этого места, читатель мог не вспомнить вдруг, о чём же княгиня Друбецкая просила ранее князя Василия. Цао Ин дополнил перевод содержанием просьбы, чтобы читатель мог сразу вспомнить сюжет, понять, о какой просьбе идёт речь.

Таким образом, роман производит более глубокое впечатление на читателя.

Пример: ...Привезите вы нам сюда хорошенькое известие о победе эрцгерцога Карла или Фердинанда — un archiduc vaut l'autre, как вам известно, — хоть над ротой пожарной команды Бонапарте, это другое дело, мы прогремим в пушки. А то **это**, как нарочно, может только дразнить нас... [Толстой, 2012: 131].

“.....您要是给我们带来卡尔大公或斐迪南大公（这两位大公的地位不相上下）的捷报，哪怕只打败拿破仑一个消防连，情况也就不同了，我们就要鸣炮庆祝。现在**你们的捷报**就像有意要取笑我们... [Цао Ин, 1992: 208]”

Приведённый пример относится к эпизоду, в котором князь Андрей передаёт австрийскому императорскому двору вести об успехах русской армии, однако в ответ не получает ожидаемого учтвого обхождения. Болконский прибывает в дом своего старого знакомого, дипломата Билибина, где у них происходит дискуссия по поводу этого происшествия. Князь Андрей не понимает, почему при том, что русская армия выиграла сражение, союзная австрийская сторона неоднократно оказывала Болконскому, прибывавшему в качестве посланника, холодный приём. В цитате из романа выше Билибин разъясняет князю Андрею эту ситуацию. Местоимение «это» (которое дословно переводилось бы на китайский как “这个”) указывает по контексту на упомянутые выше вести о победе, которые князь Болконский привёз австрийцам, и смысл рассматриваемого предложения таков: «вести о победе, которые Вы привезли, — это как оскорбительная насмешка для нас». Дословный перевод предложения как “这个像是故意取笑我们” в соответствии с текстом оригинала озадачит читателя, потому что ему будет непонятно, о чем «этом» идёт речь, и, следовательно, он не сможет полностью понять идею автора. Цао Ин, в свою очередь, интерпретировал это место как “你们的捷报就像有意要取笑我们” («ваши вести об успехе — это как оскорбительная насмешка для нас»). Такая сознательная переводческая неточность добавляет информацию, поясняющую то, что подразумевал автор романа, и является приемлемой техникой перевода.

3. Подмена информации. В процессе перевода сокращение и добавление информации часто происходят одновременно и эффективно сочетаются. Переводчики опускают некоторую информацию из исходного текста и добавляют другую, фактически заменяя опущенную информацию оригинала новой информацией. Подобная техника является распространённой формой намеренных

переводческих неточностей и особенно часто встречается при необходимости интерпретации различий в двух культурах.

Пример: — Видно, **плетью обуха не пег’ешибёшь**, — сказал он, отходя от окна и подавая Ростову большой конверт [Толстой, 2012: 338].

“看来, **胳膊扭不过大腿**,” 杰尼索夫说着离开窗口, 交给尼古拉一个大信封 [Цао Ин, 1992: 539].

Дословный смысл русской поговорки «плетью обуха не перешибёшь» можно передать как «плёткой не переломить обух топора», а её значение — «слабый не сможет побороть сильного». Другими словами, как ни пытайся, невозможно хлыстом переломить обух топора, и так же слабый не может противостоять сильному, как бы сильно он ни старался. В примере описываются события, произошедшие после того, как Василий Денисов отбил у пехотинцев обоз с провиантом и после стычки с ними предстал перед судом за разбой. Близкие Денисову офицеры уговаривали его принять письмо императору о помиловании, составленное вместо Денисова аудитором, но Василий настаивал, что он не разбойник, а отобрал провиант для солдат своего кавалерийского полка, голодавших целых две недели, поэтому он не собирается ни у кого просить о помиловании. Выслушав уговоры Николая и других товарищей, Денисов, наконец, решил подать императору прошение о помиловании и в безысходности произнёс слова поговорки, приведённые в примере. Если бы переводчик полностью воспроизвёл содержание оригинала, китайскому читателю было бы нелегко понять смысл выражения, потому что в китайском языке отсутствует аналогичная метафора с использованием «плетей» и «обуха». Однако Цао Ин отказался от буквального значения поговорки и намеренно допустил переводческую неточность, используя употребительный в китайском языке фразеологизм “胳膊扭不过大腿”, адаптировав смысл пословицы под китайские культурные реалии.

Пример: Иные задумчиво ходили взад и вперед, иные, шепчась, смеялись, и князь Андрей слышал sobriquet «**Силы Андреича**» и слова: «дядя задаст», относившиеся к графу Аракчееву [Толстой, 2012: 353].

有人若有所思地来回踱步, 有人低声谈笑。安德烈公爵听见有人叫阿拉克切耶夫的绰号“**权力爷**”, 有人说: “老头子可要让你知道厉害了。”他指的也是阿拉克切耶夫伯爵 [Цао Ин, 1992: 565].

Приведённый отрывок романа описывает увиденное и услышанное князем Андреем в приёмной у графа Аракчеева. Ранее по тексту романа упоминается, что военные дела российского госу-

дарства с 1809 года находилась в ведении графа Аракчеева, что свидетельствует о его больших полномочиях. При своём высоком статусе у Аракчеева была плохая слава. Ожидавшие приёма посетители разных чинов судачили о новом военном министре, и ввиду его дурной репутации ему уже придумали прозвище «Сила Андреич». «Сила» в русском означает «мощь, власть», китайская фонетическая транскрипция этого слова — “西拉”. При необходимости перевода такого прозвища переводчик сначала рассмотрит возможность использования транслитерации с аннотацией — ведь тогда, с одной стороны, не будет потеряна никакая часть информации исходного текста, а с другой стороны, в аннотации будет пояснено значение самого слова («мощь, власть»), которое не передаётся транслитерацией. Также будет указано, что прозвище имеет сатирический оттенок. С точки зрения целостности информации этот метод перевода действительно являлся бы лучшим выбором, потому что китайские и русские читатели получают абсолютно одинаковую информацию. Но с точки зрения воздействия на читателя перевод Цао Ина более изящный. Читая оригинал, русскоязычный реципиент сразу понимает, что прозвище «Сила Андреич» — сатира властности графа Аракчеева, потому что «сила» и означает «власть». У китайского же читателя транскрипция “西拉·安德烈依奇” не вызовет никакой реакции, потому что “西拉” не содержит для носителя китайского языка никакого смысла — это просто имя. И в этом случае понимание сатирической коннотации прозвища полностью зависит от разъяснения смысла прозвища переводчиком напрямую в аннотации, что невольно ослабляет интерес читателя к чтению. Цао Ин перевёл прозвище графа как “权力爷”, удачно компенсировав этот недостаток. “权力” является прямым переводом слова «сила» на китайский и указывает на то, что граф Аракчеев обладает большой властью. “爷”, содержащее коннотацию “老爷”, с одной стороны, соответствует чрезвычайно высокому статусу графа, а с другой стороны, также содержит сатирический оттенок “脾气大”, “难伺候”, соответствуя контекстному портрету военного министра. Подобное прозвище вызовет незамедлительную адекватную реакцию у китайского читателя. Поэтому с точки зрения воздействия на читателя перевод Цао Ина более живой и яркий, легко находящий отклик у читателя.

Из-за особенностей художественного перевода и уникальности каждого переводчика трудно сделать обобщения о том, какие именно стандарты и механизмы конкретной стратегии намеренного неточного перевода применяются в конкретных обстоятельствах.

В процессе работы над текстом переводчику часто необходимо одновременно учитывать множество факторов, выбирать подходящий метод в соответствующей ситуации и даже в одном и том же контексте учитывать возможность различных вариантов намеренных переводческих неточностей, а затем выбирать лучший из них.

4. Плюсы и минусы сознательного неточного перевода

Анализируя приведённые выше примеры намеренных неточностей перевода, нетрудно заметить, что у этой стратегии перевода имеется множество плюсов как для переводчика, так и читателей. Намеренное сокращение или замена информации исходного текста в процессе перевода в значительной степени вызвано необходимостью передать смысл оригинала в более естественной и более привычной носителю целевого языка форме. Именно опущение чуждого и добавление знакомого читателю языкового материала в текст перевода способствует более интуитивному и исчерпывающему пониманию исходного текста. Переводчик намеренно привносит дополнительную информацию в целевой текст, чтобы пояснить то, что неясно читателю, либо из-за неуверенности в том, что читатель обладает необходимыми для понимания текста фоновыми знаниями, такими как знание культуры носителей исходного языка, владение информацией о происходивших ранее по тексту романа событиях и т.п.

Нельзя не признать, что, хотя намеренный неточный перевод как стратегия может быть решением многих трудностей перевода, он также может принести некоторые негативные последствия. Когда переводчик хочет, чтобы перевод был одобрен читателем, он удаляет или сокращает те места оригинала, которые могут быть не приняты читателем целевого текста. В итоге, знакомясь с переводом иностранного произведения, написанного складным и естественным языком, читатели, скорее всего, не смогут уловить или почувствуют лишь слабый привкус «экзотичности» оригинала, потому что в нём не будут переданы особенности иностранной культуры, обычаи, традиций, иностранных языковых форм и оборотов, а также уникальный стиль автора оригинала. Как раз с таким переводом мы имеем дело в анализируемой нами китайской версии «Войны и мира» из-под пера Цао Ина. Хотя господин Цао Ин использует легко воспринимаемые и свойственные языку обороты речи, связанные и понятные выражения, многие читатели критикуют его за то, что у них «не возникает ощущения, что они читают великого классика русской литературы». Это происходит именно потому, что

в переводе Цао Ина встречается большое количество намеренных неточностей, из-за которых пространный и нагромождённый, но в то же время торжественный и величественный язык оригинала становится слишком естественным и незамысловатым, теряя часть красок творения Л.Н. Толстого.

5. Заключение

Намеренный неточный перевод часто используется в качестве стратегии в художественном переводе. Лёгкость восприятия читателями, повышение художественности характера перевода и влияние социальной среды — вот причины, по которым переводчики выбирают эту стратегию. В зависимости от способа трансформации переводчиком информации, содержащейся в исходном тексте, можно выделить три основных формы передачи намеренных переводческих неточностей: неопределённость информации, пояснение информации, и подмена информации. В процессе работы над текстом переводчику приходится одновременно учитывать множество факторов, оценивая необходимость и применимость сознательного неточного перевода исходного текста в конкретной ситуации.

Пользу преднамеренного неточного перевода нельзя анализировать лишь с одной точки зрения, и ему нельзя дать однозначную оценку «хороший» или «плохой». Вместо этого следует рассматривать этот метод комплексно и всеобъемлюще: нужно признавать его ценность и в то же время нельзя отрицать ограниченность этой техники. Сам перевод — это очень субъективный процесс, а способов перевода — великое множество. Каждый переводчик придерживается в своей практике определённых методов перевода и преуспевает в них. Именно различные переводные тексты, с присущей им уникальностью стиля создавшего их переводчика, являются причиной бесконечного разнообразия художественных переводов.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод (вопрос общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.

Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. Изд 2-е М.: Советский писатель, 1980.

Толстой Л.Н. Война и мир. Том 1 и 2. М.: Изд. Планета, 2012.

Толстой Л.Н. Война и мир. Том 3 и 4. М.: Изд. Планета, 2012.

草婴译. 《战争与和平》(Цао Ин. Перевод романа «Война и мир»). Шанхай: Шанхай ивэнь чубаньшэ, 1992 (На кит. яз.).

张捷译. 《战争与和平》(Чжан Цзе. Перевод романа «Война и мир»). Нанкин: Илин чубаньшэ, 2019 (На кит. яз.).

- 谢天振. 译介学导论 (Се Тяньчжэнь. Введение в переводоведение). Пекин: Бэйцзин дасюэй чубаньшэ, 2007. 57 с. (На кит. яз.)
- 胡谷明. 篇章修辞与小说翻译 (Ху Гумин. Текстовая риторика и перевод романов). Шанхай: Шанхай ивэнь чубаньшэ, 2004 (На кит. яз.)
- 吕俊. 价值哲学与翻译批评学 (Люй Цзюнь. Философия ценностей и переводческая критика) // 外国语 (Журнал иностранных языков), 2010. Вып.1. С. 75–81 (На кит. яз.)
- 李明喜, 叶琳. 论政治因素对翻译实践的影响 (Ли Минси, Е Линь. О влиянии политических факторов на переводческую практику) // 长沙大学学报 (Журнал Университета Чанша), 2005. Вып.1. С. 88–91 (На кит. яз.).

Chen Zhu,

Central China Normal University, Wuhan, PRC;
e-mail: rainie0918@vip.qq.com

**INTENTIONAL INACCURACIES IN LITERARY
TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO CHINESE (ON
THE EXAMPLE OF THE TRANSLATION
OF LEO TOLSTOY’S NOVEL “WAR AND PEACE”
BY THE CHINESE TRANSLATOR CAO YING)**

An intentional inaccurate translation is understood as a translation in which part of the information is omitted or added based on the principle of equivalence. It is a commonly used strategy in literary translation. Analyzing examples of the use of deliberate inaccurate translation in the translation of Leo Tolstoy’s novel “War and Peace” by the translator Cao Ying into Chinese, this work summarizes the need to apply this strategy in literary translation, the forms of its manifestation and its influence, opening new ways to overcome the difficulties of literary translation. Reasons why translators choose this strategy — ease of perception by readers, increasing the artistic character of the translation and the influence of the social environment. Depending on the way the translator transforms the information contained in the source text, there are three main forms of transmission of intentional translation inaccuracies: uncertainty of information, explanation of information, and substitution of information. The benefits of deliberate inaccurate translation cannot be analyzed from just one point of view, and it cannot be categorized as “good” or “bad”. Instead, this method should be viewed in a holistic and comprehensive manner: its value must be recognized and at the same time the limitations of this technique cannot be denied. Translation itself is a very subjective process, and there are a great many ways to translate. Each translator adheres in his practice to certain translation methods and succeeds in them. It is the various translated texts, with their inherent uniqueness

of the style of the translator who created them, that are the reason for the infinite variety of literary translations.

Key words: intentional inaccurate translation, literary translation, “War and Peace”.

References

Barhudarov L.S. Zazyki perevod (vopros obshchey i chastnoj teorii perevoda [Language and translation (a question of general and particular theory of translation)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975 (In Russian).

Cao Ying. Translation of “War and Peace”. Shanghai: Shanghai Yiwen Chubanshe, 1992 (In Chinese).

Gachechiladze G. Literary translation and literary relationships. 2nd ed. M.: Soviet writer, 1980.

Hu Guming. Textual rhetoric and translation of novels. Shanghai: Shanghai Yiwen Chubanshe, 2004 (In Chinese).

Li Mingxi, Ye Lin. On the influence of political factors on translation practice. *Journal of Changsha University*. 2005. Issue 1, pp. 88–91 (In Chinese).

Liu Zun. Philosophy of values and translation criticism. *Journal of Foreign Languages*. 2010. Issue 1, pp. 75–81 (In Chinese).

Tolstoy L.N. War and Peace, Vol. 1 & 2. [War and Peace]. Moscow: Izd. Planeta, 2012 (In Russian).

Tolstoy L.N. War and Peace, Vol. 3 & 4 [War and Peace, Volumes]. Moscow: Izd. Planeta, 2012 (In Russian).

Xie Tianzhen. Introduction to Translation Studies. Peking: Beijing Daxuei Chubanshe, 2007. 117 p. (In Chinese).

Zhang Jie. Translation of “War and Peace”. Nanking: Yilin Chubanshe, 2019 (In Chinese).

Поступила в редакцию 8 января 2021 г.

После доработки 10 марта 2021 г.

Принята к публикации 24 марта 2021 г.